
АЛЕКСАНДР ЛАДОГИН
ДЕЛО № 4317
СЕКРЕТНО
ЧУЖОЕ ИМЯ
Книга V
Не спрашивайте о ребёнке...

Александр Ладогин

Чужое имя

«Автор»
2026

Ладогин А.

Чужое имя / А. Ладогин — «Автор», 2026

Ноябрь 1953 года. Андрей Коржев находит в архиве документ 1938 года со своей фамилией. Но тогда он ещё не родился — и даже имя это ему не принадлежит.Девять лет назад студент из 2026 года оказался в военном 1944-м и получил документы погибшего танкиста. Теперь чужое прошлое предъявляет ему счёт.В Москве готовят освоение целины. По бумагам людей уже обеспечили жильём, которого нет. Чужие распоряжения подписывают именем Андрея. А следы старого архивного дела ведут к людям, привыкшим молчать.Андрей знает историю страны — но не знает, кто распоряжается его собственной. Чтобы остановить опасное решение и добраться до правды, ему придётся поставить на карту своё положение и доверие тех, кто рядом.«Чужое имя» — пятая книга цикла «Парень из сада»: альтернативная история, тайны советских архивов и выбор, за который нельзя расписаться чужой рукой.

© Ладогин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Квитанции 5
Глава вторая. Чужая буква 16
Глава третья. Дом без адреса 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Чужое имя

Глава первая. Квитанции

I

Москва. 18 ноября 1953 года, среда.

Анна Фёдоровна обнаружила квитанцию под сахарницей.

— Андрей Сергеевич, вы бы хоть государственные дела от завтрака отделяли. Вчера у меня под тарелкой оказался список каких-то людей, сегодня вот деньги. Скоро, глядишь, министров в буфет поставите.

Андрей поднял голову от листа, на котором уже третий раз переписывал одну и ту же фразу. Сахарница стояла посреди стола, рядом с блюдцем, куда хозяйка складывала хлебные крошки. Из-под неё действительно выглядывал уголок сложенной бумаги.

— Квитанция из столовой. Баранов кормил переселенцев из собственного кармана.

— Стало быть, потратил уже. А возвращать кто будет?

Она подвинула сахарницу и отправилась к плите, оставив его разбираться с собственным хозяйством. Андрей развернул квитанцию. Бумага успела истрепаться на сгибах, хотя сам он держал её в папке и старался лишний раз не трогать. Чужие руки, вероятно, обращались с ней менее осторожно. Чернила в одном углу расплылись, сумма была выведена дважды – сначала карандашом, затем поверх него чернилами. Остальные квитанции хранились у Павловой; у Андрея были только эта и маршрутный лист с фамилией дежурного. Расходы на питание, несколько мелких покупок, о которых никто не подумал заранее, и ещё одна строка, смысл которой Андрей вчера уточнял у Павловой. Всё вместе составляло сумму не слишком значительную для учреждения, способного распоряжаться вагонами, машинами и сотнями работников. Но почему-то именно эти деньги оказалось труднее всего найти.

Он положил квитанцию рядом с проектом. Там, где должен был стоять источник оплаты, оставалось пустое место.

Вчера вечером Андрей несколько раз пытался заполнить его подходящей формулировкой. Сначала написал: «За счёт средств, предусмотренных на организационные мероприятия». И зачеркнул. Он не знал, предусмотрены ли такие средства, кто ими распоряжается и вправе ли расходовать их на питание людей, которых кормили по собственной инициативе. Следующая формулировка выглядела ещё удобнее: «С последующим возмещением произведённых расходов». Но она ничего не объясняла. Возмещение кем? На каком основании? После какого решения?

Накануне Руднев попросил согласовать проект с Павловой и финансистами. Слова были обычными, деловыми. Андрей тогда даже обрадовался: наконец вместо разговоров о необходимости заботиться о людях появлялся документ, который можно было провести через учреждение. Только теперь становилось ясно, что между обещанием и оплатой лежит не одна подпись, а целая цепочка обязательств, которых никто пока не принимал.

— Чай остынет, – предупредила Анна Фёдоровна.

— Сейчас.

— Вы и вчера в девять вечера так говорили.

Она поставила перед ним тарелку с кашей и села напротив, хотя обычно в это время занималась хозяйством. Окинула взглядом бумаги, затем Андрея.

— Людей-то устроили?

— Ещё не всех.

— А тех, про которых вчера говорили?

— Лебедевых? Для них место подготовили. Дверь доделывают. Просили пока не приезжать.

— Ну, это разумно. Зимой без двери и в собственной квартире не очень весело.

Андрей невольно улыбнулся. Хозяйка не знала ни подробностей поездки, ни того, сколько времени ушло на поиск помещения, ни сколько людей пришлось просить, убеждать и проверять. Для неё всё сводилось к простой последовательности: сначала починить дверь, затем привезти семью. И спорить с такой последовательностью было невозможно.

— А кто за дверь платит? – спросила она.

Андрей перестал улыбаться.

— Тот же вопрос у меня в проекте остался без ответа.

— Тогда ешьте. На голодный желудок вам никто денег не даст.

Он подчинился. Каша оказалась горячей, густой и неожиданно вкусной. За окном медленно светлело. По улице за калиткой прошёл дворник, волоча метлу по мокрому снегу; за ним оставались тёмные полосы на тротуаре, которые вскоре снова белели. Москва входила в зиму неохотно. Несколько дней снег выпадал, таял, замерзал и опять превращался в грязь, словно город никак не мог решить, какое время года ему положено переживать.

Андрей собрал бумаги только после завтрака. Квитанцию положил в отдельный конверт, проект – в папку, а собственные заметки оставил сверху. На последнем листе значились четыре фамилии, по которым они с Белкиным пока не получили окончательных сведений. Одна запись касалась травмы, но не содержала подтверждения расчёта за дорогу. В остальных случаях сведения расходились или обрывались. Были ли за этими несоответствиями ошибки делопроизводства, задержки сообщений или нечто более серьёзное, он ещё не знал. Однако фамилии уже перестали быть просто строками. Всякий раз, когда Андрей открывал папку, они оказывались перед глазами.

Перед выходом он заметил на столе письмо Бережному. Конверт был подписан, но ещё не отправлен.

Андрей проверил адрес и убрал письмо во внутренний карман пальто. Отправить его следовало сегодня. Он не хотел, чтобы полковник узнал о желании встретиться от кого-нибудь третьего. Тем более что существовало ещё одно письмо – написанное Матвеевым и до сих

пор не вручённое адресату. Его содержание оставалось неизвестным. Андрей держал в руках только фотокопию конверта, которую показывал Лавров, и не имел права превращать чужое послание в средство удовлетворения собственного любопытства.

— Папку не забыли? – донеслось из кухни.

— Взял.

— А голову?

— Постараюсь проверить по дороге.

— Вот её особенно берегите. Бумаги-то новые выдадут.

Он вышел на крыльцо с ощущением, что хозяйка только что сформулировала главный недостаток государственного управления.

II

Москва. 18 ноября 1953 года, среда.

У Павловой он оказался раньше назначенного времени, но она уже работала. На столе лежали две стопки документов, между ними стоял стакан остывшего чая. Павлова сидела боком к окну и переписывала цифры с одного листа на другой. Услышав шаги, подняла глаза и сразу перевела взгляд на папку.

— Показывайте, что удалось подтвердить.

Андрей положил конверт на край стола: подтверждено немного.

— Тогда садитесь. У меня через двадцать минут разговор с финансистами, и я хотела бы до него понять, о чём мы собираемся их просить.

Андрей передал квитанцию и маршрутный лист, положил рядом проект. Павлова не стала сразу читать текст. Сначала достала из ящика остальные квитанции, разложила расходы по датам, сверила суммы с собственной ведомостью и только после этого взяла карандаш.

— Здесь не хватает объяснения, почему Баранов оплачивал питание сам.

— Иначе люди остались бы без еды.

— Это ответ на вопрос, почему он так поступил. Я спрашиваю, почему у него не было другого способа.

Андрей задумался. Разница казалась небольшой, но в ней и заключалась вся трудность.

— Помощь организовали раньше, чем определили порядок оплаты.

— Вот. Так и нужно писать. Без попытки задним числом представить дело так, будто существовало распоряжение, которого никто не отдавал.

Она сделала пометку на полях. Андрей следил за движением карандаша. Павлова работала быстро, но не торопилась. Каждую цифру она переносила только после проверки, а сомнительные строки отмечала короткой чертой. Вчера он воспринимал её участие как необходимое согласование. Сегодня начинал понимать, что без этой женщины весь его проект, возможно, не пережил бы первого разговора с бухгалтерией.

— Расходы ему вернут? – спросил он.

— Сначала их надо проверить. А уже после решать, что из этого возместят и на каком основании.

— А пока он будет сидеть без денег?

— Если мы оформим всё неправильно, ему может стать значительно хуже. Деньги он, возможно, получит. А через полгода кто-нибудь обнаружит расход без надлежащего основания и потребует объяснений. Причём не у нас с вами.

Андрей откинулся на спинку стула.

— Выходит, человек накормил чужих людей на свои, а теперь мы будем выяснять, имел ли он на это право.

— Не совсем. Нам надо установить, кто попросил его помочь, что было сделано и кто обязан за это отвечать. Разницу чувствуете?

Андрей кивнул. Павлова защищала не бумажный порядок от человека, а человека от плохо оформленного решения.

— У меня есть предложение, – продолжила она. – Разделить вопрос на две части. Первая – подтверждение фактических расходов. Здесь нужны квитанции, объяснение Баранова и сведения о тех, кому оказана помощь. Вторая – основание для оплаты. Его придётся согласовать отдельно. Не надо пытаться решить оба вопроса одной фразой.

— Руднев ждёт готовый проект.

— Ему нужен такой, который можно выполнить. Это не всегда одно и то же.

Она пододвинула к нему лист.

— Перепишите этот абзац. И уберите слово «обеспечить» там, где у нас пока нет ни средств, ни ответственного исполнителя.

Андрей нашёл отмеченную строку. Слово было знакомым. Слишком знакомым. За последние месяцы оно встречалось ему в десятках документов и почти всегда звучало убедительнее, чем действительность, которую должно было описывать.

— Чем заменить?

— Пока ничем. Напишите, кто должен определить источник средств и к какому сроку. Когда определят, тогда и появится обязательство.

— Срок и фамилия. И больше ничего?

— Иначе Баранов снова заплатит за наше обещание.

Она произнесла это без раздражения, почти буднично. Андрей взял карандаш и принялся исправлять текст.

Через несколько минут в дверь постучали. Вошёл невысокий мужчина в тёмном костюме, с аккуратно подстриженной бородкой. Он держал тонкую папку, на которой красным карандашом была выведена дата. Павлова представила его как сотрудника финансового подразделения. Фамилию Андрей расслышал, но записывать не стал: в ближайшие полчаса его интересовали не столько фамилии, сколько ответы.

Мужчина сел, положил папку на колени и внимательно выслушал объяснение. На квитанции едва взглянул, зато сразу остановился на проекте.

— Назовите основание для выплаты.

— Его ещё устанавливают, – ответила Павлова.

— Подписывать выплату я не стану.

— Есть фактически произведённые расходы и обстоятельства, при которых они возникли.

— Одного сочувствия для бухгалтерии недостаточно.

— Поэтому мы и просим рассмотреть их документально, а не закрыть вопрос устным отказом.

Мужчина поднял на неё глаза. Андрей ожидал продолжения спора, но финансист лишь вздохнул и снял очки.

— Вы ведь понимаете, что я не могу подписать разрешение на оплату только потому, что кто-то поступил по-человечески?

— Я и не прошу, – сказала Павлова.

Она повернула к нему подготовленный лист.

— Нам нужно установить, каким образом учреждение может рассмотреть вопрос. Если оснований нет, пусть это будет оформленный ответ с указанием причин. Если основания существуют, определим необходимые документы. Но сейчас получается, что человек понёс расходы, а мы даже не можем сказать ему, кто вправе принять решение.

Финансист прочёл лист и вернулся к квитанциям.

— Здесь часть покупок подтверждена не полностью.

— Отметила отдельно.

— А вот эта сумма?

— Требует объяснения Баранова.

— И вы предлагаете направить запрос?

— Да.

Мужчина некоторое время молчал. Затем положил очки на стол.

— Тогда разговор другой. Я могу посмотреть, какие документы необходимы для рассмотрения. Но никаких обещаний насчёт оплаты.

— Их никто и не просит, – сказала Павлова.

Андрей едва удержался от замечания. Ещё десять минут назад именно оплаты они и добивались. Теперь выяснилось, что первым достижением будет возможность официально задать вопрос.

Впрочем, финансист уже делал пометки. Он назвал несколько обстоятельств, которые требовалось уточнить, и попросил приложить подтверждение того, кто организовывал помощь. Павлова записывала, иногда задавая короткие вопросы. Андрей слушал и постепенно переставал воспринимать разговор как бессмысленное сопротивление. Финансист не хотел брать на себя ответственность за решение, которого не принимал. В этом он мало отличался от Баранова, только Баранову пришлось действовать раньше, чем появилась возможность спросить разрешения.

Когда мужчина ушёл, Павлова закрыла папку.

— Ну вот. Теперь хотя бы понятно, чего не хватает.

— Для выплаты?

— Для следующего разговора.

Андрей взглянул на часы.

— Такими темпами мы доберёмся до денег к будущей зиме.

— Если будете каждый раз приносить новые формулировки вместо подтверждений, то и позже.

Она улыбнулась едва заметно. Андрей впервые за утро позволил себе рассмеяться.

III

Москва. 18 ноября 1953 года, среда.

Руднев выслушал их без перебиваний.

Он сидел за большим столом, на котором не было ничего лишнего: несколько папок, календарь, телефон и стакан воды. Андрей уже успел заметить, что порядок на столе не обязательно свидетельствовал о порядке в делах. Иногда он означал лишь умение вовремя убирать бумаги, с которыми пока ничего нельзя сделать.

Павлова доложила о расходах, о недостающих подтверждениях и о том, что финансовое подразделение готово рассмотреть документы после уточнения оснований. Андрей изложил предложение о порядке действий в случаях, когда люди прибывают на новое место раньше, чем выполнены условия их размещения. Он старался говорить сжато, но несколько раз возвращался к подробностям, которые казались ему принципиальными: кто обязан встретить семью, как подтвердить готовность помещения, кому сообщать о задержке и что делать, если обещанное жильё оказалось непригодным.

Руднев слушал, слегка постукивая карандашом по краю блокнота.

— Вы хотите установить единый порядок для всех случаев?

— Пока нет. Сначала опробовать его на нескольких направлениях.

— А если выяснится, что средств недостаточно?

— Тогда нельзя будет обещать людям то, чего мы не способны выполнить.

— Прекрасный принцип. А вы знаете, сколько таких слов у нас уже роздано?

Андрей не ответил. Руднев пригляделся к нему внимательнее.

— Я не издеваюсь, Коржев. Вы предлагаете разумную вещь. Но если мы сейчас начнём проверять каждое прежнее обязательство, выяснится, что часть из них вообще не имеет надлежащего обеспечения. Что тогда? Остановить работу?

— Нет. Разделить подготовку и отправку людей. Там, где условия не готовы, не выдавать готовность за факт.

— Это вы уже предлагали.

— Вопрос-то остался.

Руднев отложил карандаш.

— Я помню.

Несколько секунд они молчали. Ещё шаг – и настойчивость превратилась бы в раздражающее повторение. Доказывать очевидное заново Андрей не хотел. Но и уходить с очередным обещанием «рассмотреть вопрос» не собирался.

— Есть ещё одно обстоятельство, – сказал он. – Сейчас помощь зависит от того, найдётся ли на месте человек, готовый взять ответственность на себя. Баранов нашёлся. В другом случае может не найтись.

— Вы предлагаете приказать людям быть порядочными?

— Нет. Сделать так, чтобы для выполнения необходимого не приходилось сначала нарушать правила, а затем просить прощения.

Руднев повернулся к Павловой.

— А вы что думаете?

— Попробовать можно, если ограничиться несколькими случаями и заранее определить, кто фиксирует результат. Но начинать надо не с обещания финансирования, а с подтверждения фактов. Иначе мы снова получим расходы, которые никто не уполномочен оплачивать.

— То есть вы оба предлагаете мне дополнительную работу.

— Нет. Выяснить, где не делается то, что и так положено делать, – сказала Павлова.

Руднев усмехнулся.

— Разница тонкая.

Он встал и подошёл к окну. На улице снег окончательно превратился в дождь. Прохожие поднимали воротники, перебегали через лужи, обходили грузовик, остановившийся у тротуара. Руднев некоторое время следил за ними, затем вернулся к столу.

— Хорошо. Подготовьте ограниченное испытание. Не тот порядок, который вы предлагали в октябре, – его никто не утверждал, – а проверку на деле, узкую и с концом. Без объявления нового общего порядка. Срок – до конца декабря. Отвечаете вы и Павлова, отчёт по пятницам. Возьмите два направления, где у нас есть возможность получить достоверные сведения с мест. По каждому случаю должны быть указаны ответственные за проверку, сроки сообщения и то, какое решение требуется принять. Финансовые обязательства отдельно, после установления оснований. Никаких выплат задним числом по вымышленным распоряжениям.

Облегчение Андрей постарался не показать. Решение было меньше того, на что он рассчитывал, и одновременно больше того, что ещё утром казалось возможным.

— А расходы Баранова?

— Оформляйте материалы. Если есть законное основание для возмещения, будем решать. Если нет – мне нужны не ваши предположения, а письменное объяснение, почему его нет и какие варианты существуют.

— Понятно.

— Не торопитесь радоваться. Вы пока получили право выяснить, почему ничего не получается.

— Иногда это уже продвижение.

— С вашей точки зрения – несомненно.

Руднев взял проект и перелистнул несколько страниц.

— И ещё. Не превращайте эту проверку в личное предприятие. Вы не сможете присутствовать при каждом прибытии людей, осматривать каждую дверь и проверять каждый рубль. Если порядок работает только тогда, когда Коржев стоит рядом, такой порядок нам не нужен.

Андрей хотел возразить, но остановился. Руднев сказал то самое, к чему он сам постепенно приходил, только гораздо жёстче.

— Согласен.

— Вот и хорошо. Тогда пусть Павлова определит, какие сведения необходимо получать, а вы подготовьте перечень случаев. И договоритесь с теми, кто будет отвечать за исполнение. Не на словах.

Они поднялись. Уже у двери Руднев окликнул Андрея.

— Коржев.

Тот обернулся.

— Даже правильно составленный порядок не создаст ни одного лишнего рубля и ни одной свободной комнаты. Когда придётся выбирать, кому помочь первым, что будете делать?

Андрей не нашёлся с ответом. Руднев, похоже, другого и не ждал: он уже снимал телефонную трубку.

IV

Москва. 18 ноября 1953 года, среда.

В коридоре Павлова остановилась у окна и раскрыла папку.

— Нам понадобится отдельный перечень случаев, – сказала она. – И не только тех, которые удалось решить.

— Вы уже составляете план работы?

— Пока список того, чего мы не знаем. С него обычно полезнее начинать.

Андрей достал записную книжку. Первым записал фамилию Баранова, затем Лебедевых. Ниже оставил место для четырёх учётных случаев, которыми занимался Белкин. Павлова заглянула в последнюю строку.

— Это те работники, по которым нет окончательных сведений?

— Да. Но я не уверен, что их следует включать в ту же проверку.

— Это отдельная задача. Однако и забывать о ней нельзя.

— Белкин занимается первичными документами.

— Тогда не отнимайте у него работу. И не пытайтесь одновременно руководить всеми проверками.

Андрей закрыл книжку.

— Сегодня все решили напомнить мне, что я не незаменим.

— Приятно слышать, что вы начали это замечать.

Она ушла по коридору, оставив его возле окна. За последние месяцы Андрей привык считать главным препятствием чужую некомпетентность, осторожность или равнодушие. Между тем люди, которым он доверял, всё чаще указывали на недостатки его собственных решений. И самое неприятное заключалось в том, что делали это по существу.

Он вышел на улицу, поднял воротник и направился к почтовому отделению. Дождь сменился мелким снегом. На углу женщина пыталась удержать за руку мальчика, который упорно наступал в каждую лужу. Чуть дальше двое рабочих разгружали ящики, споря о том, какой из них тяжелее. Город занимался обычными делами, не подозревая, что где-то в кабинетах только что разрешили провести небольшую проверку порядка помощи людям.

Андрей опустил письмо Бережному в почтовый ящик и немного постоял рядом. Теперь встреча зависела не только от него. Полковник мог ответить, мог отказаться, мог вовсе не прийти. Андрей уже однажды решил, что не станет распоряжаться чужой волей ради собственного спокойствия. Следовало придерживаться этого решения, даже если ожидание окажется неприятным.

Вернувшись в учреждение, он обнаружил у себя на столе записку Белкина. Тот просил зайти, когда освободится, и добавлял, что по одной из четырёх фамилий получено новое сообщение. Подробностей не было.

Белкин сидел за столом, окружённый ведомостями. Перед ним лежали два листа, один машинописный, другой заполненный от руки. Увидев Андрея, он не стал объяснять содержание сразу, а подвинул свободный стул.

— Сначала посмотрите даты.

Андрей сел и взял первый лист. Дата отправки сообщения стояла вверху, дата регистрации – ниже. Разница составляла несколько дней. На втором листе значилась другая дата, относящаяся к тому же человеку.

— Не сходится, – сказал Андрей.

— Это я заметил.

— Откуда второй документ?

— Получили сегодня. Пока не знаю, почему он пришёл отдельно.

Андрей положил листы рядом.

— Значит, прежняя запись неверна?

— Или верна на тот день, когда её делали. Нужно установить, когда появились новые сведения и кто их передавал.

— А что с самим человеком?

Белкин поднял на него глаза поверх очков.

— Вот это я и хотел бы выяснить прежде, чем кто-нибудь напишет, что вопрос закрыт.

Он вынул из папки третий лист. На нём был перечень документов, которые следовало запросить. Ни обвинений, ни готовых выводов. Только несколько вопросов, каждый из которых требовал ответа.

Андрей прочёл список.

— Руднев разрешил ограниченную проверку порядка помощи людям, – сообщил он. – С назначением ответственных и сроков.

— Поздравляю.

— Вы даже не спросите, сколько денег выделили?

— Нисколько?

— Пока ни копейки.

Белкин удовлетворённо качнул головой.

— Тогда у вас хорошая новость. По крайней мере, расходы ещё не успели оформить неправильно.

Андрей рассмеялся, но быстро посерьёзнел.

— Нам придётся сделать так, чтобы этот порядок работал без постоянного вмешательства сверху.

— Разумная мысль.

— У вас такой голос, словно вы в ней не уверены.

— Мысль хорошая. Меня беспокоит другое: сколько времени пройдёт, прежде чем кто-нибудь решит, что порядок мешает выполнять план.

Белкин аккуратно сложил документы.

— И ещё, Андрей Сергеевич. Не смешивайте эти четыре фамилии с расходами Баранова. Людям от этого пользы не будет. Проверки должны идти независимо, иначе первая же ошибка в одном деле позволит поставить под сомнение всё остальное.

Андрей согласился. Он уже собирался уходить, когда Белкин добавил:

— А по этому человеку я хочу получить подтверждение непосредственно от тех, кто составлял первоначальную запись. Не через сводку.

— Думаете, от нас что-то прячут?

— Пока знаю одно: данных мало. Для работы этого вполне хватает.

Андрей вышел от него с новым списком вопросов. За день ни один из прежних долгов не исчез: Баранов не получил денег, Лебедевы ещё не приехали, четыре фамилии лежали в папке, и по одной из них пришло сообщение, которое скорее усложняло проверку, чем завершало её. Зато против каждой строки в записной книжке теперь стояла фамилия того, кто должен сделать следующий шаг. Свою Андрей не вписал ни разу.

V

Москва. 19 ноября 1953 года, четверг.

Первое сообщение пришло на следующий день, ещё до обеда. В нём значилось, что помещение для Лебедевых готово к заселению. Андрей перечитал короткую фразу дважды, затем отыскал в папке вчерашнюю запись: дверь должны были закончить только к вечеру. Само по себе расхождение не доказывало ничего. Рабочие могли управиться раньше. Но цену словам «готово к заселению» он уже слишком хорошо знал, чтобы удовлетвориться одним сообщением.

Он позвонил Павловой. Та выслушала его и спросила не о двери, а о том, кто подписал подтверждение. Андрей заглянул в лист. Подписи не было – лишь отметка о передаче сведений по телефону.

— Значит, пока у нас подтверждено только то, что кто-то кому-то позвонил, – сказала Павлова. – Не спешите отправлять семью.

— Я и не собирался.

— Тогда выясните, кто осматривал помещение. Не кто обещал осмотреть, а кто действительно там был.

Положив трубку, Андрей отметил, что поручение Руднева приобретает неприятную определённость. Проверять порядок на бумаге было удобно: можно было перечислить действия, расставить сроки и нарисовать стрелки между исполнителями. Проверять его на живых людях означало всякий раз выбирать между двумя рисками. Задержишь отправку – семья останется там, где ей уже нечего делать. Поторопишься – привезёшь её к закрытой двери и станешь искать виновного.

Он набрал номер местного представителя. Соединяли долго. Когда наконец ответили, выяснилось, что человек, передавший сообщение о готовности, сам в помещении не был. Ему доложили, что работы закончены.

— Кто доложил?

На том конце провода зашуршали бумаги. Назвали фамилию мастера.

— Он был в комнате после ремонта?

— Полагаю, да.

— Мне нужно не предположение. Спросите его и перезвоните.

На том конце обиженно засопели.

— Коржев, вы понимаете, что из-за одной двери у нас задерживается переезд целой семьи?

— Поэтому и хочу знать, можно ли их туда везти.

Когда разговор закончился, Андрей обнаружил, что записал на полях листа слово «дверь» три раза. Он зачеркнул два повторения и рядом вывел: «Личное подтверждение осмотра. Фамилия. Время». После этого ещё с минуту разглядывал запись. В ней не было ни одной великой идеи. Только три требования, которые ещё вчера могли показаться ненужной придиркой.

Ближе к вечеру позвонили снова. Дверь действительно поставили. Но замок ещё не работал, а стекло в верхней части рамы обещали вставить утром. Семью можно было привезти, если кто-нибудь согласился бы караулить помещение ночью. Андрей поблагодарил за сведения и попросил сообщить о полной готовности после устранения недостатков.

Он уже собирался отложить лист, когда собеседник неожиданно спросил:

— А в отчёте за сегодняшний день что писать? Что помещение готово или что нет?

— Так и пишите: дверь установлена, замка и стекла нет, семью не везём.

— Нам за это попадёт.

— Возможно. Но Лебедевым будет хуже, если они узнают правду на пороге.

В ответ послышался тяжёлый вздох. Андрей не стал обещать, что никаких неприятностей не будет. Он и сам не знал, кто и как станет оценивать задержку. Зато теперь было ясно, что предстоит проверить в испытании: сможет ли человек на месте сообщить о незавершённой работе, не превращая правду в служебный проступок.

Вечером он отнёс Павловой оба сообщения – первое, с отметкой «готово», и второе, с перечислением оставшихся работ. Она положила их рядом, прочла и неожиданно спросила:

— А кто исправит первую запись?

— Разве второй недостаточно?

— Для нас с вами – да. А для того, кто через месяц откроет дело, останутся два противоречащих друг другу документа. И если первый уже попал в сводку, то по сводке помещение давно готово.

Андрей сел напротив. За окном зажигались фонари. Он думал о Баранове, который кормил людей прежде, чем кто-нибудь придумал, как оплатить обеды, о Лебедевых, ожидавших переезда, и о четырёх фамилиях в папке Белкина. Все эти дела были разными. Но у каждого обнаруживалось одно общее свойство: однажды внесённая запись начинала жить собственной жизнью, даже если действительность успевала измениться.

— Значит, нужен порядок исправления сведений, – сказал он.

— И отметка, кому об этом сообщили. Иначе правка останется только у вас на столе.

Она вернула ему листы. Андрей сложил их в папку, не пытаясь сразу сочинить новый проект. На сегодня хватало и того, что он своими глазами увидел, как маленькая неточность превращается в официальное благополучие.

В коридоре его догнал Белкин. Он шёл быстро, без шапки, с незастёгнутой папкой под мышкой.

— По нашей записи ответили, – сказал он. – Первоначальный документ составляли не там, откуда пришло последнее сообщение. И ещё одна подробность: человек, чья фамилия стоит под записью, в тот день отсутствовал.

Андрей остановился.

— Ошибка?

— Не знаю. Подпись могла появиться позже, запись могли переписать с другого листа. Я запросил журнал регистрации.

— Вам его дадут?

— Должны. Но меня сейчас интересует другое: почему никто не заметил расхождения раньше.

Белкин поправил папку. Андрей уже приготовился спросить, не связано ли это с остальными тремя случаями, но удержался: вчера его дважды предупредили не соединять разрозненные задачи в одну проверку.

— Когда будет журнал, посмотрим, – сказал он.

— Вот теперь разумно, – отозвался Белкин и пошёл дальше.

Андрей остался посреди коридора. В кармане лежала копия первого сообщения о готовности комнаты. Он достал её и перечёл короткую строку, написанную уверенным канцелярским языком. Утром эта строка означала завершённую работу. К вечеру – только необходимость задать следующий вопрос.

Возвращаясь домой, он подумал о письме Бережному. Ответа не было и быть не могло: письмо ушло только вчера. Для ожидания нельзя было назначить ни ответственного, ни срока, и Андрей на всякий случай не стал вносить его в записную книжку.

Глава вторая. Чужая буква

I

Москва. 20 ноября 1953 года, пятница.

Утром Белкин явился не один. С ним пришёл человек в поношенном пальто, державший шапку обеими руками так, будто её могли отобрать. Белкин представил его без должности – просто назвал фамилию и пояснил, что тот прежде вёл регистрационный журнал. Андрей предложил сесть. Посетитель остался стоять, пока Белкин не подвинул ему стул.

— Вы не обязаны ничего объяснять сверх того, что помните, – сказал Андрей.

Человек оглянулся на Белкина. Тот ободряюще кивнул, но не торопил. Из внутреннего кармана пальто посетитель вынул сложенный вчетверо листок. На нём были выписаны четыре даты и рядом – номера входящих записей. Бумага пожелтела по сгибам, хотя чернила выглядели свежими.

— Это я вчера переписал, – произнёс он. – Сам журнал выдать не разрешили. Сказали, только справку. А справка получится такой, как нужно начальству. Я подумал, вам лучше увидеть номера.

Белкин развернул листок на столе. Одна из дат совпадала с той, что стояла в деле под подписью отсутствовавшего сотрудника. Но рядом с номером значилась совсем другая фамилия.

— Чья? – спросил Андрей.

— Того, кто принёс бумагу. Не того, кто её составлял.

— Вы уверены?

— Я тогда сам принимал. Там ещё угол был надорван. Я поставил отметку карандашом, чтобы потом не говорили, будто мы лист испортили.

Посетитель поднял глаза и лишь теперь внимательно рассмотрел Андрея.

— Только цел ли тот лист теперь, не знаю. В нашем деле листа уже нет.

В комнате стало слышно, как за стеной переставляют стулья. Белкин не потянулся за листком, словно боялся нарушить равновесие разговора. Андрей взял карандаш и записал две фамилии отдельно. Между ними оставил пустую строку.

— Почему вы решили прийти сейчас?

Посетитель провёл большим пальцем по краю шапки.

— Вчера меня спросили, не ошибся ли я в старой записи. Я сказал, что надо смотреть журнал. А сегодня утром мне передали, чтобы я не путал людей своими воспоминаниями.

— От кого?

— Через нашего секретаря. Он сам ничего не знает.

Андрея потянуло немедленно потребовать объяснений. Достаточно было поднять трубку, назвать фамилию и заставить кого-нибудь оправдываться. Но тогда к вечеру в нескольких кабинетах уже будут знать, какие номера их интересуют, и искать придётся не документы, а следы поспешной уборки.

— Вы можете подтвердить, что переписали эти номера из журнала вчера? – спросил Белкин.

— Могу. Только подписи своей на этой бумаге не поставлю.

— И не нужно пока, – ответил Андрей. – Мы не будем выдавать ваши слова за официальный документ.

Когда посетитель ушёл, Белкин закрыл дверь и сел на его место. Оба некоторое время молчали. На столе лежал листок, не имевший никакой доказательной силы, и всё же из-за него привычная последовательность событий перестала быть очевидной.

— Если это правда, – начал Андрей, – запись в деле не просто составлена позднее. Её подменили.

— Не спешите. – Белкин поднял ладонь. – Мы пока знаем только, что в журнале мог быть зарегистрирован другой документ. Нужно увидеть сам журнал, корешки и движение дела. И выяснить, куда делся первоначальный лист.

— А человек, который сегодня утром велел ему молчать?

— И его найдём. Но не раньше, чем поймём, что именно он прятал.

Белкин убрал выписку в конверт и надписал дату получения. Находкой он был явно недоволен. Пропавший лист, чужая фамилия, предупреждение свидетелю – история складывалась сама, без единого усилия с их стороны.

— Слишком гладко, – сказал Белкин, заклеивая конверт. – Так гладко у меня выходило только в отчётах, которые потом приходилось переделывать.

II

Москва. 20 ноября 1953 года, пятница.

В полдень пришла записка от Лаврова: «Прошу зайти без папок. Дело срочное». Андрей прочёл её между двумя звонками и сразу подумал о конверте Матвеева.

Лавров сидел за столом, на котором остывал нетронутый чай и лежали два карандаша, острый и обломанный. Между ними белел листок с двумя номерами, выписанными его рукой.

— Без папок вы меня ещё не звали, – сказал Андрей.

— Так вы меньше записываете. Иногда это полезно. – Лавров кивнул на стул. – Конверт на месте. Печать цела, я проверил утром. Беспокоит меня не он, а бумаги вокруг него. В прошлый раз я сказал, что не знаю, почему письмо не отправили. Решил проверить хотя бы путь, которым оно прошло. Только путь – не содержание.

— И что выяснилось?

— Его зарегистрировали дважды. В июле, в один день, с разницей в несколько часов. В двух разных журналах и под разными номерами. По первой записи конверт принят на хранение вместе с другими бумагами. По второй – поступил отдельно, как входящий.

— Такое случается?

— Сплошь и рядом. В спешке – особенно, а в июле спешки хватало. – Лавров повернул листок к себе, словно его можно было прочесть с обратной стороны. – Вторая запись сама по

себе меня бы не встревожила. Тревожит другое. Сегодня утром, раньше меня, её уже затребовали.

— Кто?

— Подпись в журнале неразборчива. Дежурный говорит, пришёл человек с надлежащим допуском. Имени не запомнил. Зато запомнил, что спрашивали не о письме, а о том, кто его регистрировал.

За дверью послышались быстрые шаги, затем чей-то смех. Лавров дождался, пока коридор стихнет.

Андрей откинулся на спинку стула. За последние сутки неизвестный успел предупредить бывшего регистратора, а другой неизвестный – или тот же самый – заглянуть в журнал, где записан конверт Матвеева. Совпадение выглядело слишком выразительным. И именно поэтому Андрей не хотел принимать его за связь.

— Не будем соединять эти два случая, – сказал он. – Пока у нас нет оснований.

— Я и не предлагаю. Но номер я переписал. – Лавров убрал листок в стол. – А конверт до разговора с адресатом останется у меня. Без чужих отметок.

Когда Андрей вернулся к себе, его уже ожидала Павлова. Она держала тонкую папку, перевязанную тесёмкой, и по её лицу было видно: новость она принесла, но ещё не решила, хорошая ли.

— Лебедевых можно перевозить завтра, – сказала она. – Замок проверили, стекло вставили, акт подписан после осмотра. Я сама говорила с человеком, который был на месте.

Андрей улыбнулся. Павлова в ответ не улыбнулась.

— Не радуйтесь раньше поезда. Я, например, радуюсь, только когда мне позвонят со станции.

Она развязала тесёмку, показала акт с двумя подписями и ушла, оставив тесёмку на краю стола.

Телефон зазвонил, когда он потянулся к папке Белкина. Андрей снял трубку.

— Коржев слушает.

В ответ сначала раздался треск междугородной линии, затем незнакомый мужской голос спросил, получил ли он письмо, отправленное на имя Бережного. Андрей не успел ответить: связь оборвалась. Он остался с трубкой в руке и слушал короткие гудки.

В записной книжке он поставил время звонка. Открыл страницу, на которой позавчера отметил отправку своего письма. Письмо ушло восемнадцатого; до Бережного оно могло дойти разве что сегодня. Андрей почувствовал, как холодеют пальцы. Незнакомец не спросил, дошло ли письмо до Бережного. Он спросил, получил ли его Андрей.

Вопрос был неверным. Или предназначался не тому человеку.

III

Москва. 20 ноября 1953 года, пятница.

Андрей вызвал телефонистку и попросил установить, откуда поступил разговор. Та ответила, что соединение было междугородным, но назвать станцию без проверки не может. Он поблагодарил и не стал требовать невозможного. Чужой голос не сообщал ни факта, ни угрозы. Только задавал вопрос, который мог оказаться ошибкой. С этого и следовало начинать.

Он достал лист с записью об отправке письма Бережному. На конверте стояло имя адресата, обратный адрес был его собственный. Незнакомец мог перепутать отправителя и получателя, если видел конверт мельком. Мог знать о письме со слов другого человека. Наконец, мог говорить совсем о другом послании. Другое письмо на имя Бережного существовало: запечатанное, в сейфе у Лаврова, то самое, чью регистрацию кто-то затребовал сегодня утром. Последнее предположение Андрей записал первым: «Какое письмо?» – и подчеркнул вопрос дважды. Не потому, что считал его самым вероятным, а чтобы не забыть о нём, если захочется принять разговор за подтверждение слежки.

Павлова вернулась за тесёмкой и застала его над раскрытой записной книжкой.

— У вас такой вид, будто телефон сообщил о сокращении рабочего дня, – заметила она.

— Если бы. Он пока только прибавил работы.

Андрей в двух словах пересказал разговор. Павлова не спросила, испугался ли он. Она взглянула на часы, уточнила время звонка и посоветовала записать его отдельно и ни с чем пока не связывать. Это было разумно, хотя Андрею уже хотелось провести линию между звонком и всем остальным. Уже в дверях Павлова обернулась.

— И пообедайте. После обеда неизвестные голоса звучат значительно менее зловеще.

К двум часам позвонил Белкин. Журнал регистрации ему показали, но не дали снять копию. Запись, которую вчера переписал бывший регистратор, существовала. Однако номер относился не к листу из проверяемого дела, а к сопроводительной записке. В ней упоминалось приложение на двух страницах. Самого приложения в папке не оказалось. Номер приложения отсылал не к учётному делу, а к старому архивному: запись о работнике когда-то сверяли с ним.

— А подпись отсутствовавшего сотрудника? – спросил Андрей.

— Стоит на другом листе, – ответил Белкин. – Его подшили позже. Когда именно, пока не установлено. Наш свидетель мог помнить всё совершенно верно и всё равно ошибаться в выводе.

— А самого регистратора вы предупредили?

— Сказал, что проверка продолжается. Обещаний не давал.

Андрей прикрыл глаза. Утром он почти убедил себя, что чужая фамилия и исчезнувшая бумага – части заранее подготовленной подмены. Теперь выяснялось, что между ними есть ещё один документ, которого никто не видел. Сложная история не становилась проще оттого, что в ней появился недостающий лист. Зато обозначилось место, где этот лист должен был находиться.

— Кто принимал дело в архив? – спросил он.

— Вот это уже интереснее. Передачу оформляли по описи. И опись сохранилась. Проверю, как только хранитель вернётся. Обещали к вечеру.

— А где он сейчас?

— Хранитель уехал на базу за папками. И, представьте себе, даже ради нашего любопытства не станет разворачивать грузовик.

Андрей невольно улыбнулся. Белкин подождал и добавил:

— А к вечеру вам лучше быть на месте. Я попробую достать хотя бы корешок. Не оригинал дела – корешок. С него начнём.

Белкин положил трубку. Андрей вернулся к текущим бумагам, но сосредоточиться не успел. В дверях появился молодой сотрудник с красной от холода шеей и спросил, можно ли передать ему сообщение без регистрации. Андрей предложил говорить. Сотрудник помялся: внизу ждал человек, который утверждал, что приехал по делу Лебедевых. Фамилию он назвал не ту, что значилась в актах, и пропуска у него не было. Зато при нём находился ключ от комнаты.

Андрей встал так резко, что стул ударился о шкаф. На лестнице он уже пожалел о поспешности. Ключ мог оказаться запасным, а посетитель – слесарем. Но Лебедевых должны были перевозить завтра, и теперь любое несоответствие в бумагах имело слишком конкретную цену.

Внизу, возле вешалки, ждал невысокий мужчина с тяжёлой хозяйственной сумкой. Он не походил ни на посыльного, ни на начальника. Увидев Андрея, вынул из кармана ключ, положил на ладонь и произнёс:

— Я за тем и приехал, чтобы их завтра не везли.

— Назовитесь.

Мужчина назвал фамилию и объяснил, что утром получил распоряжение освободить комнату от оставшихся материалов. Когда пришёл, обнаружил на двери новый замок. Его ключ

не подошёл. Он решил, что помещение передали другому жильцу, но сторож сказал: семья ещё не приехала.

— Я мог бы уйти, – сказал он. – Только там за стеной вода пошла. В соседней комнате трубу меняли, а из-под нашей двери уже течёт. До утра дойдёт до проводки.

Андрей попросил его подождать и позвонил Павловой. Через десять минут они вдвоём выслушали посетителя ещё раз, уточнили адрес и договорились о немедленном осмотре. Павлова распорядилась известить всех, кому уже отправили подтверждение готовности. Андрей настоял, чтобы в сообщении прямо указали причину отмены переезда. Мужчина с ключом переминался рядом, смущённый тем, что его слова внезапно превратились в основание для служебного решения.

— А мне теперь что делать? – спросил он.

— Покажете место человеку, который будет осматривать, – ответила Павлова. – И не уходите, пока не составят акт. За дорогу вам оформят оплату.

— Мне бы не деньги. Я думал, меня обвинят, что дверь открыл.

— Вы же её так и не открыли, – заметил Андрей.

— Так ведь ещё могут попросить написать, что открыл.

Никто не засмеялся. В этой фразе было больше объяснения происходящему, чем в утренней папке с отчётами. Павлова записала его фамилию, взяла у него ключ для сверки и сама проводила к дежурному, чтобы посетителя не задержали на выходе.

Когда Андрей вернулся в кабинет, на столе лежала телефонограмма от Лаврова: у дежурного оставлен пакет на имя Коржева, курьер назвал отправителем полковника Бережного. Лавров просил без него пакет не принимать.

IV

Москва. 20 ноября 1953 года, пятница.

Лавров спустился к дежурному раньше него и в руки пакет не брал. Плотный серый конверт лежал на краю стола, надпись «Коржеву лично» была выведена от руки. Курьер давно ушёл, удостоверения на передачу не предъявив.

Канцелярия ответила через четверть часа: доставка на имя Коржева зарегистрирована, но не от Бережного. Отправителем значилось учреждение – архивный отдел, о котором Андрей до сих пор только слышал. Дата отправки была на день раньше той, когда он опустил в ящик своё письмо. Ответом на него пакет быть не мог.

Андрей принял его под расписку, сверил номер с записью, осмотрел печать и только после этого вскрыл край конверта. Внутри лежали две страницы машинописного текста и маленькая фотография. Он начал с письма.

Это было уведомление о том, что в связи с пересмотром архивной описи обнаружено дело, в котором фамилия Андрея Коржева упоминалась как возможная ошибка идентификации. Для уточнения требовалось его письменное объяснение в десятидневный срок: когда и при каких обстоятельствах он впервые узнал человека, обозначенного в деле другим именем.

Письмо не содержало угроз. Его не вызывали на допрос и не обвиняли. Но оно задавало вопрос, ответ на который мог затронуть людей, о существовании которых многие предпочитали не вспоминать.

Фотография была сделана давно. У кирпичной стены стояли трое мужчин: лица двоих были отчётливы, третьего закрывала тень от выступа крыши. Чуть дальше, в той же тени у стены, виднелся мальчик лет четырнадцати с каким-то свёртком в руках – по виду случайный помощник, которого забыли отогнать из кадра. На обороте карандашом значился год – 1938-й – и две буквы, которые могли быть и инициалами, и частью архивного шифра.

— Узнаёте? – спросил Лавров.

Андрей ответил не сразу. Кирпичная стена, выступ крыши, край ворот – место казалось ему знакомым, но где он мог его видеть, он не сказал бы даже себе. За лица поручиться было нельзя: тень не позволяла сделать это уверенно.

— Двор вроде знакомый. Людей надо проверять.

Лавров протянул руку за фотографией, но Андрей удержал её на столе.

— Сначала составим запись о том, что получили. Затем копию. Оригинал оставим в конверте.

— Вы начинаете разговаривать, как Павлова.

— Это заразно. И, похоже, полезно.

Они записали состояние печати и число вложений. Лавров отправился искать фотографа, имевшего право работать с такими материалами. Андрей остался один и положил снимок рядом с уведомлением. Днём голос в трубке спрашивал о письме на имя Бережного; теперь курьер прикрылся тем же именем. Возможно, это были звенья одной цепи. Возможно, кто-то нарочно путал адресатов. Выбирать ответ без доказательств Андрей не стал.

Телефон зазвонил снова. На этот раз звонила Павлова. Осмотр комнаты подтвердил повреждение трубы, переезд Лебедевых перенесли. Мастера уже работали, а человеку с ключом оформили пропуск и оплату дороги.

— Есть ещё одно, – сказала Павлова. – Баранов спрашивал о вас. Просил передать, что его расчёт сегодня приняли к рассмотрению. Денег пока ни копейки. И он очень сердился, что ради этого пришлось заполнить три одинаковые ведомости.

— Скажите ему, что я сочувствую его страданиям.

— Ни за что. Он решит, что вы издеваетесь, и будет прав.

После разговора Андрей убрал уведомление в папку. Ответить письменно было нетрудно. Труднее было решить, кого он вправе назвать в ответе и кого тем самым снова вытащит из прошлого. На обороте фотографии виднелся едва заметный след стёртой надписи. Он поднёс снимок к лампе, но разобрать ничего не смог.

В коридоре остановились шаги. Кто-то постучал и, не дожидаясь разрешения, приоткрыл дверь. На пороге стоял Белкин с архивной описью в руках. Он перевёл взгляд с раскрытого конверта на фотографию и сказал:

— Теперь ясно, почему в нашем деле не хватает приложения. Его не потеряли. Его перенесли в другую опись. И там, кажется, указано имя, которое касается вас.

Андрей закрыл папку.

— Покажите запись.

Белкин не двинулся с места.

— Сначала вы должны знать: в новой описи это имя стоит не среди свидетелей. Оно стоит в графе «ответственный за изъятие».

V

Москва. 20 ноября 1953 года, пятница.

Белкин положил опись на край стола, но не раскрыл её. Андрея кольнуло раздражение – не на Белкина, а на собственное желание выхватить бумагу и прочитать последнюю строку раньше всех. Желание было слишком знакомым. Так начинались ошибки, за которые потом расплачивались другие.

— Это та же фотография?

— Не знаю. Номер приложения в описи тот же, а самого снимка там нет. Осталась карточка движения дела. – Белкин положил ладонь на папку. – И подпись человека, который распорядился вынуть приложение. Разобрать её можно. Только прежде чем вы её увидите, мне нужно объяснить одну вещь.

Андрей показал на стул. Белкин сел, но ладонь с папки так и не убрал, словно в канцелярии ему выдали не документ, а что-то хрупкое. Найденная фамилия могла превратить про-

верку старой ошибки в обвинение живого человека. Причём обвинение, построенное на единственной строке.

— Карточку заполняли не в тридцать восьмом, – сказал Белкин. – Её завели позднее, когда передавали архив. И там две разные записи. В первой сказано, что приложение изъято по распоряжению ответственного лица. Во второй – что оно возвращено. Но отметки о возвращении нет. Ни даты, ни подписи получателя. Просто слово, напечатанное машинкой.

— А фамилия?

Белкин раскрыл папку и повернул лист к Андрею. В графе, где полагалось указывать должность и фамилию распорядившегося изъятием, стояло: «Коржев А.». Ни полного имени, ни отчества. Ниже – неразборчивая закорючка, которую при желании можно было принять за подпись. Андрей не отрывал глаз от записи так долго, что Белкин перестал ждать немедленного ответа.

— Не может быть… – начал Лавров, появившийся в дверях с разрешением на копирование, и, увидев лист, не закончил фразу.

— На бумаге бывает что угодно, – сказал Андрей. – Вопрос в том, кто её заполнил и на каком основании.

Лавров вошёл и прикрыл дверь. За стеклом коридорного окна двое сотрудников спорили о том, кому достанется машина. Их голоса были приглушены, но доносились слова «срочно» и «по распоряжению». Андрей подумал, что половина бед страны начиналась именно с этих двух выражений, произнесённых без фамилии того, кто распоряжался.

— Если мы приложим карточку к объяснению, – сказал Белкин, – вы фактически подтвердите, что видели эту запись. Если не приложим, выйдет, что мы скрыли обнаруженное.

— Так и сделаем. Но сначала установим, откуда она взялась: кто её составлял, когда, по какой описи и с какого оригинала. Никаких догадок о том, кто расписался. И никаких выводов о виновности по одной фамилии.

— Они могут потребовать ответа раньше, чем мы успеем.

— Тогда скажем то, что знаем. Не то, что от нас хотят услышать.

Лавров положил разрешение рядом с уведомлением. Он явно собирался что-то сказать, но передумал. Причину Андрей угадывал: если дело пойдёт официальным порядком, он уже не сможет сам выбирать, кому показывать документы. И Белкин, и Лавров окажутся названы в сопроводительной записке. Их осторожность станет частью дела. Их ошибка – тоже.

— Мне нужно ваше согласие, – сказал Андрей. – Оба имени будут в журнале получения. Я не стану оформлять находку на себя одного.

— А вы могли бы? – спросил Белкин.

— Ещё позавчера – наверное, попытался бы. Сейчас нет.

Лавров криво усмехнулся.

— Павлова вас всё-таки перевоспитала. Боюсь, к Новому году вы начнёте требовать квитанцию даже у Деда Мороза.

— У него особенно. Слишком много обещает, а подпись никто не проверял.

Смеялись недолго, почти с облегчением. В дверь снова постучали. Секретарь передала телефонограмму, и Андрей пробежал глазами первые строки. Сообщение касалось не архивного дела. Перенос переезда Павлова согласовала ещё днём; теперь комнату, где нашли воду на полу, решили вовсе вывести из списка пригодных помещений. Другого помещения не предлагали: до окончания ремонта Лебедевым надлежало оставаться на прежнем месте. Под сообщением значилась фамилия чиновника, который ещё утром подписал акт о готовности.

— Что будем делать? – спросил Лавров.

Андрей положил телефонограмму поверх описи. Два документа оказались рядом, и сходство было неприятным. В одном случае неизвестный человек вписал его фамилию в старую

карточку. В другом – вполне известный чиновник превращал чужую беду в аккуратную строку отчёта. Оба рассчитывали, что запись переживёт обстоятельства, из которых возникла.

— Лебедевыми займётся Павлова, – сказал Андрей. – У неё акт осмотра, сведения о ремонте и право потребовать другое помещение. Я ей позвоню. А мы закончим здесь. Иначе снова получится, что всё держится на одном человеке, который не успевает ни туда, ни сюда.

Белкин удивлённо поднял брови. Андрей не стал объяснять. Ему самому было непривычно не бросаться туда, где требовалась помощь.

В кабинете стало темнее. Лавров включил настольную лампу и придвинул к ней карточку. Под косым светом проступили следы исправления: верхнюю строку печатали на одной машинке, нижнюю – на другой. Различалась буква «ж», чуть ниже опущенная во второй записи. Белкин наклонился ближе.

— Вот почему я не хотел сразу показывать фамилию. Она напечатана позднее остального текста.

Андрей взял чистый лист и записал наблюдение. Никаких «подлогов» и «провокаций» – только установленное различие шрифтов и необходимость экспертизы. Лавров и Белкин прочли формулировку, поправили одно слово и расписались. Опись Андрей запер в шкаф, уведомление вложил в отдельную папку.

За окном совсем стемнело. Москва жила обычным ноябрьским вечером: трамвай звякнул на повороте, у булочной спорили из-за очереди, дворник с сердитым видом сгребал мокрые листья, словно рассчитывал до утра окончательно победить осень. Андрей неожиданно позавидовал ему. У дворника хотя бы было ясно, какие листья принадлежат этому двору.

Телефон зазвонил, когда Лавров уже взялся за пальто. Андрей поднял трубку, ожидая Павлову. Вместо неё заговорил незнакомый мужчина. Голос был спокойным, почти учтивым.

— Андрей? Вам, вероятно, уже показали карточку. Не тратьте время на поиск машинки. Она давно уничтожена.

— Представьтесь.

— Это неважно. Важно другое. Тот, чьё имя вы ищете, не исчез в тридцать восьмом году. Он получил документы на другое имя. И, насколько мне известно, до сих пор ими пользуется.

Андрей поймал взгляд Белкина. Тот по его лицу понял, что разговор не служебный, и отложил карандаш.

— Откуда у вас материалы дела?

— От человека, который тогда видел оригинал. Если хотите проверить, не называйте пока фамилию из карточки никому, кроме тех, кто уже её прочёл.

— Я не принимаю распоряжений от неизвестных.

На другом конце провода помолчали.

— Тогда считайте это советом. Скоро вас спросят уже не о снимке, а о том, почему вы носите фамилию Коржев. Прежде чем отвечать, узнайте, кому она принадлежала до вас.

Глава третья. Дом без адреса

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.